

ють и что произведено было о томъ слѣдствіе и увѣщаніе посланными къ нимъ священниками, государь императоръ, удостоивъ утвердить полученное въ то же время и по тому же предмету донесеніе находящихся въ Харьковѣ господъ сенаторовъ Лопухина (*) и Пелединскаго-Мелецкаго, представившихъ, что сіи духоворбцы во правахъ своихъ тихи и покорны и нимало со стороны мѣстнаго начальства притѣсненія не заслуживаютъ, далъ высочайшій указъ губернатору Зинбергарину въ 27-й день минувшаго Ноября, вразумляющій его, какимъ образомъ въ подобныхъ случаяхъ поступать онъ долженъ, и повелѣтъ сонзволнлъ сообщить всѣмъ господамъ губернаторамъ копію съ него, дабы они, руководствуясь изображаемыми въ немъ правилами, поступали не иначе, какъ на точномъ ихъ основаніи. Въ слѣдствіе чего препровождая при семъ къ вашему сіятельству съ того указа копію для надлежащаго исполненія высочайшей его императорскаго величества волн, имѣю часть быть съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Беклешовъ.

С. П. Бургъ. Декабря 10-го дня 1807-го года.
(Сообщено Д. П. Швайскимъ.)

Безпечальный монастырь.

Легенда о Петрѣ Великомъ (**).

Императоръ Петръ первый, ѣздившій, какъ извѣстно, по всякимъ пустырямъ и темнымъ лѣсамъ Русскаго царства, одинъ разъ на-

ѣхалъ на монастырь, который былъ въ сторонѣ отъ большой дороги, въ лѣсу, и былъ, какъ слѣдовало монастырю, обнесенъ стѣной, или заборомъ. Падъ воротами этого монастыря была надпись: «Безпечальный монастырь». Петръ первый прочиталъ такую надпись, и увидѣлся. — «Что это значитъ: «безпечальный монастырь?» Видно монахи живутъ тутъ, и нечего не дѣлають, и отъ того не знаютъ никакой печали — безпечальны. Дай, говоритъ, задамъ я имъ печаль!» — Призвалъ къ себѣ игумена этого монастыря и велѣлъ ему тотчасъ же рѣшить слѣдующія три задачи:

Первая задача: чего стоить онъ — Петръ первый?

Вторая задача: много ли на небѣ звѣздъ?

Третья задача: о чемъ теперь онъ, Петръ первый, думаетъ?

Игумень пошелъ въ свой монастырь, а Петръ первый остался на конѣ ждать его.

Придя въ монастырь, игумень тотчасъ же собралъ на совѣтъ всю братію, чтобы общими силами рѣшить эти задачи. Думали, думали — ничего не могли выдумать; потому что монахи безпечальнаго монастыря давно отвыкли отъ всякой думы. А не рѣшить задачъ — боялись Петра перваго. Весь безпечальный монастырь вдругъ опечалился, и всѣ монахи не рады были и своей жизни. А Петръ Великій сидитъ на конѣ и ждетъ игумена съ отвѣтами.

На ту пору въ монастырѣ былъ одинъ мельникъ, который, когда слышалъ объ этомъ горѣ монастырскомъ и узналъ въ чемъ дѣло, пришелъ къ игумну, и говоритъ: «Давай мнѣ скорѣе твое платье, я одѣнусь игуменомъ и дамъ отвѣтъ на всѣ задачи, а ты надѣнь мое платье, чтобы Петръ первый не узналъ тебя». Игумень съ радостью согласился на это, и отдалъ мельнику свое платье, а самъ нарядился мельникомъ.

(*) См. Записки П. В. Лопухина. М. 1860, стр. 88 и слѣд.

(**) Эта легенда доставлена намъ г. Александромъ Раменскимъ, который записалъ ее съ живаго разказа.

Мельникъ, надѣвши на себя игуменскую рясу, наложивши на голову клобукъ, а въ руки взявши монашескія чётки — всё, какъ слѣдуетъ игумну, явился передъ Петромъ первымъ.

— Что, отецъ святой, выдумался ли?

— «Выдумался», говоритъ мельникъ.

— Ну отвѣчай же: дѣло ли я?

— «Христосъ, царь небесный, проданъ былъ за тридцать сребренниковъ, а ты земной царь, конечно, можешь быть проданъ подешевле,» сказалъ мельникъ.

— Много ли на небѣ звѣздъ?

— «Я считалъ, и насчиталъ тридцать-три тысячи триллиона триллионовъ и сто девяносто одну звѣзду. Если не вѣришь мнѣ, царь, то пересчитай самъ», сказалъ мельникъ, вынулъ изъ пазухи и подалъ Петру первому листъ бумаги, въ которомъ было множество точекъ, которыя означали звѣзды, будто бы сосчитанныя мельникомъ.

— А о чемъ я теперь думаю? —

— «Ты думаешь, что съ тобой говоритъ игуменъ, а межъ тѣмъ передъ тобой стоитъ мельникъ, только въ игуменскомъ платьѣ», и мельникъ разсказалъ Петру первому всю исторію съ игуменомъ.

Этимъ мельникъ такъ полюбился Петру первому, что онъ сдѣлалъ мельника игуменомъ того монастыря, а игумну велѣлъ быть мельникомъ.

Съ тѣхъ поръ не стало *безпечальнаго монастыря*.

(Слышано въ Вологодской губерніи.)

Письма (гр.) П. А. Толстаго изъ Турціи къ брату его И. А. Толстому ⁽¹⁾.

Милостивый мой батъка, государь братецъ Иванъ Андреевичъ, здравствуй государь на многа лѣта съ домашними своими, еже съ невѣстункою и съ дѣтками, наки здравствуй съ именинницею, понеже сіе писаніе писалося Апрѣля 1-го числа ⁽²⁾. Слышно, государь, что указъ великаго государя новелѣваетъ тебѣ быть въ Азовѣ воеводою на мѣсто милостиваго моего государя брата Стенана Богдановича; а подлинно о томъ ничего не вѣдаю, какимъ поведеніемъ то дѣло опредѣляется, и прилежно молю, пожалуй, государь, дай мнѣ о семъ подлинную вѣдомость.

О состояніи здѣшнемъ подлинно писалъ я къ брату Стенану Богдановичу, изволь отъ него освѣдомиться.

⁽¹⁾ *Петръ Андреевичъ Толстой* (1643 — 1729), славный сподвижникъ Петра великаго, впоследствии графъ и поимщикъ царевича Алексѣя Петровича, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ Русскимъ дипломатамъ. О запискахъ путешествія его въ Италію и на о. Мальту см. статью П. А. Юнова въ Атенѣхъ 1859, № 7 и 8. Онъ отлично выучился по итальянски, и отпавленъ былъ посломъ въ Царьградъ. Посольство это описано въ IV томѣ Исторіи Петра в. П. Г. Устрялова (стр. 321 и слѣд.); тамъ же, въ приложеніяхъ, помѣщены тайная ему инструкция, письма его къ царю, къ боярину Посольскаго приказа Головину и пр. Письма, которыя мы теперь печатаемъ, писаны къ старшему брату, который занималъ значительное мѣсто губернатора въ недавно завоеванномъ Азовѣ. Имъ дополняются извѣстія, находящіеся въ сочиненіи Устрялова. Они списаны съ собственноручныхъ подлинниковъ, хранящихся въ семейномъ архивѣ Льва Павловича Толстаго, и за сообщеніе ихъ мы обязаны благодарностью академику Я. К. Гроту.

⁽²⁾ Невѣстку Толстаго звали Марьею Матвѣевою, см. письмо 3-е.